

Александр Сергеевич Пушкин

Марья Шонинг

**Александр Сергеевич
Пушкин
Марья Шонинг**

Анна Г.<арлин> к Марьи Ш.<онинг.>
25 апр.

W.

Милая Марья.

Что с тобою делается? Уж более четырех месяцев не получала я от тебя ни строчки. Здорова ли ты? Кабы [не] всегдашние хлопоты, я бы уж побывала у тебя в гостях; но ты знаешь: 12 миль не шутка. Без меня хозяйство станет; Фриц в нем ничего не смыслит – настоящий ребенок. Уж не вышла ли ты за муж? Нет, верно ты обо мне вспомнила – и порадовала свою подругу вестью о своем счастье. В последнем письме ты писала, что твой бедный отец всё еще хворает; надеюсь, что весна ему помогла и что теперь ему легче. – О себе скажу, что я, слава богу, здорова и счастлива. Работа идет по маленьку, но я все еще не умею ни запрашивать, ни торговаться. А надобно будет выучиться. Фриц также довольно здоров, но с некоторых пор деревянная нога начинает его беспокоить. – Он мало ходит, а в ненастное время крехтит да охает. Впрочем, он попрежнему весел; попрежнему любит выпить стакан вина, и всё еще не до-

сказал мне историю о своих походах. Дети ростут и хорошеют. Франк становится молодец. Вообрази, милая Марья, что уж он бегаёт за девочками, – каков? – а ему нет ещё и трёх лет А какой забияка! Фриц не может им налюбоваться, и ужасно его балует; вместо того, чтоб ребенка унимать, он ещё его подстрекает, и радуется всем его проказам. Мина гораздо степеннее; правда – она годом старше. – Я начала уж учить её азбуке. Она очень понятлива и кажется будет хороша собою. Но что в красоте? была бы добра и разумна, – тогда верно будет и счастлива.

P. S. Посылаю тебе в гостинец касынку; обнови её, милая М.<арья>, в будущее воскресенье, когда пойдёшь в церковь. Это подарок Фрица; но красный цвет идёт более к твоим чёрным волосам, нежели к моим светлорусым. Мужчины этого не понимают. Им всё равно что голубое, что красное. Прости, милая Марья, я с тобою заболталась. – Отвечай же мне поскорее. Батюшке засвидетельствуй мое искреннее почтение. Напиши мне, каково его здоровье. – Век не забуду, что я провела три года под его кровлею, и что он обходился

со мною, бедной сироткою, не как с наемной служанкою – а как с дочерью. Мать нашего пастора советует ему употреблять вместо чаю красный бедринец, цветок очень обыкновенный, – я отыскала и латинское его название, – всякой аптекарь тебе укажет его.

Марья Ш.<онинг> к Анне Г.<арлин.>

28 апреля

Я получила письмо твое в прошлую пятницу, (прочла только сегодня). Бедный отец мой скончался в тот самый день, в шесть часов поутру – вчера были похороны.

Я никак не воображала, чтобы смерть была так близка. Во всё последнее время ему было гораздо легче – и г. Кельц имел надежду на совершенное его выздоровление. В понедельник он даже гулял по нашему садику, и дошел до колодезя не задохнувшись. Возвратясь в комнату, он почувствовал легкой озноб, я уложила его и побежала к г. Кельцу – его не было дома. Возвратясь к отцу, я нашла его в усыплении – я подумала, что сон успокоит его совершенно. – Г. Кельц пришел вечером. – Он осмотрел больного и был недоволен его состо-

нием. Он прописал ему новое лекарство. Ночью отец проснулся и просил есть – я дала ему супу; он хлебнул одну ложку и более не захотел. Он опять впал в усыпление. – На другой день с ним сделались спазмы. – Г. Кельц от него не отходил. К вечеру боль унялась – но им овладело такое беспокойство, что он пяти минут сряду не мог лежать в одном положении – я должна была поворачивать его с боку на бок.... Перед утром он утих – и часа два лежал в усыплении. – Г. Кельц вышел, сказав мне, что воротится часа через два. – Вдруг – отец мой приподнялся и позвал меня. – Я к нему подошла и спросила, что ему надобно. Он сказал мне: «Марья, что так темно? – открой ставни». – Я испугалась; и сказала ему: «Батюшка! разве вы не видите... ставни открыты». – Он стал искать около себя, схватил меня за руку и сказал: «Марья! Марья, мне очень дурно – я умираю... дай, благословлю тебя – поскорее». – Я бросилась на колени, и положила его руку себе на голову. – Он сказал: «Господь, награди ее; – господь, тебе ее поручаю». – Он замолк – рука вдруг отяжелела. Я подумала, что он опять заснул, и

несколько минут не смела шевельнуться. Вдруг вошел г. Кельц, снял с моей головы руку его – и сказал мне: «Теперь оставьте его, подите в свою комнату». – Я взглянула: отец лежал бледный и недвижный. – Всё было кончено.

Добрый г. Кельц целые два дня не выходил из нашего дома и всё распорядил, потому что я была не в силах. – В последние дни я одна ходила за больным, некому было меня сменить. Часто я вспоминала о тебе и горько сожалела, что тебя с нами не было...

Вчера я встала с постели и пошла было за гробом; но мне стало вдруг дурно. Я стала на колена, чтобы издали с ним прости<ться.> Фрау Ротберх сказала: какая комедиантка! Вообрази, милая Анна, что слова эти возвратили мне силу. Я пошла за гробом удивительно легко. В церкви, мне казалось, было чрезвычайно светло, и всё кругом меня шаталось. Я не плакала. Мне было душно, и мне всё хотелось смеяться.

Его снесли на кладбище, что за церковью св. Якова, и при мне опустили в могилу. Мне вдруг захотелось тогда ее разрыть, потому что

я с ним не совсем простила. Но многие еще гуляли по кладбищу, и я боялась, чтоб фрау Ротберх не сказала опять: какая комедьянка.

Какая жестокость не позволять дочери проститься с мертвым отцом, как ей вздумается

Возвратясь домой, я нашла чужих людей, которые сказали мне, что надобно запечатать всё имение – и бумаги покойного отца. Они оставили мне мою комнатку, только вынесли из нее всё, кроме кровати и одного стула. – Завтра воскресенье. – Я не обновлю твоей ко-сынк<и>, но очень тебя за нее благодарю. Клянюсь твоему мужу, Франка и <Ми>ни цалую. Прощай.

Пишу стоя у окошка, а чернильницу заняла у соседей.

Марья Ш.<онинг> к Анне Г.<арлин.>

Милая Анна.

Вчера пришел ко мне чиновник и объявил, что всё имение покойного отца моего должно продаваться с публичного торгу, в пользу городской казны, за то, что он был обложен не по состоянию, и что по описи име-

ния оказался он гораздо богаче, нежели думали. Я тут ничего не понимаю. В последнее время мы очень много тратили на лекарство. У меня всего на расход осталось 23 талера, – я показала их чиновникам, которые однако же сказали, чтоб я деньги эти взяла себе, – потому что закон их не требует.

Дом наш будет продаваться на будущей недели; и я не знаю куда мне деться. – Я ходила к г. бургмейстеру, – он принял меня хорошо, но на мои просьбы отвечал, что он ничего не может для меня сделать. Не знаю, куда мне определиться. Если нужна тебе служанка, то напиши мне; ты знаешь, что я могу тебе помогать в хозяйстве и в рукоделии, а сверх того буду смотреть за детьми, и за Фр<ице>м, если он занеможет. – За больными ходить я научилась. Пожалуйста, напиши, нужна ли я тебе. И не совестись. Я уверена, что отношения наши от того <ни> мало не переменятся и что ты будешь для меня всё та же добрая и снисходительная подруга.

Домик старого Шонинга полон был народу. Толпа теснилась около стола, за которым

председательствовал оценщик. Он кричал: «Байковый камзол с медными пуговицами... ** <талеров>. Раз, – два... – Никто более – Байковый камзол ** <талеров> – три». Камзол перешел в руки нового своего владельца.

Покупщики осматривали с хулой и любопытством вещи выставленные на торг. Фрау Ротберх рассматривала черное белье, не вымытое после смерти Шонинга; она теребила его, отряхивала, повторяя: дрянь, ветошь, лохмотья, – и надбавляла по грошам. Трактирщик Гирц купил две серебряные ложки, полдюжину салфеток и две фарфоровые чашки. Кровать, на которой умер Шонинг, куплена была Каролиной Шмидт, девушкой сильно нарумяненной, виду скромного и смиренного.

Марья, бледная как тень, стояла тут же, безмолвно смотря на расхищение бедного своего имущества. Она держала в руке ** талеров, готовясь купить что-нибудь, и не имела духа перебивать добычу у покупателей. – Народ выходил, унося приобретенное. Оставались непроданными два портретика в рамах, замаранных мухами и некогда вызолочен-

ных. На одном изображен был Шонинг молодым человеком в красном кафтане. – На другом Христина, жена его, с собачкою на руках. Оба портрета были нарисованы резко и ярко. – Гирц хотел купить и их, чтобы повесить в угольной комнате своего трактира, потому что стены были слишком голы. Портреты оценены были в ** <талеров>. Гирц вынул кошелек. В это время Марья превозмогла свою робость и дрожащим голосом надбавила цену. Гирц бросил на нее презрительный взгляд, и начал торговаться. – Мало по малу цена возросла до **. Марья дала наконец **. Гирц отступился; и портреты остались за нею. Она отдала деньги, остальные спрятала в карман, взяла портреты и вышла из дому, недождавшись конца аукциону.

Когда Марья вышла на улицу с портретом в каждой руке, она остановилась в недоумении: куда ей было идти?....

Молодой человек в золотых очках, подошел к ней и очень вежливо вызвался отнести портреты, куда ей будет угодно...

– Я очень вам благодарна... я, право, не знаю. – И Марья думала, куда бы ей отнести

портреты, покаместь она сама без места.

Молодой человек подождал несколько секунд, и пошел своею дорогою, – а Марья решилась отнести портреты к лекарю Кельцу.